
М. В. ГАВРИЛОВ, А. Т. ЮНУСОВ

ФОРМЫ И УСЛОВИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В МОРАЛЬНОЙ ТЕОРИИ Т. М. СКЭНЛОНА*

Статья известного современного американского морального философа Томаса Майкла Скэнлона «Формы и условия ответственности», опубликованная в оксфордском сборнике 2015 г. «The Nature of Moral Responsibility», является на данный момент последней версией его влиятельной теории моральной ответственности. В этой статье Скэнлон обосновывает важность разделения ответственности на а) ответственность моральной реакции, связанную с нашими реакциями, такими как осуждение, на нормативные установки моральных агентов и б) содержательную ответственность – ответственность за наши обязательства, которые мы берем на себя в тех или иных обстоятельствах. Скэнлон полагает, что игнорирование важности такого разделения ответственности в современных философских и политических дискуссиях является ошибочным и приводит к печальным последствиям. Настоящая публикация представляет собой первый перевод работ Т. М. Скэнлона на русский язык и предваряется предисловием переводчиков, в котором дается краткий очерк его жизни и моральной теории.

Ключевые слова: ответственность, осуждение, выбор, контроль, моральная ответственность, Т. М. Скэнлон, контрактализм.

The paper of a renowned modern American moral philosopher T. M. Scanlon “Forms and Conditions of Responsibility” published in 2015 is the most up to date statement of his general views on moral responsibility. In it Scanlon argues for the importance of distinguishing two kinds of responsibility: a) moral reaction responsibility that has to do with our responses to normative attitudes of moral agents and b) substantive responsibility – a responsibility for the obligations that we have taken upon us in certain circumstances of a right kind. Scanlon thinks that ignoring this important distinction in modern discussions – both in philosophy and in politics – is a regrettable mistake of considerable

* Статья и перевод подготовлены при финансовой поддержке РФФ, проект № 21-78-10044 «Феномен моральной ответственности». The reported study and translation were funded by RSF, project No. 21-78-10044 “The Phenomenon of Moral Responsibility”.

consequence. This publication is the first translation of T. M. Scanlon's work into Russian and is prefaced by a translators' foreword that offers a very short overview of his life and moral theory.

Keywords: *responsibility, blame, choice, control, moral responsibility, T. M. Scanlon, contractualism.*

Предисловие переводчиков

Гарвардский философ Томас Майкл (Тим) Скэнлон – один из самых известных и цитируемых моральных и политических философов среди ныне живущих. Между тем русскоязычному философскому сообществу он почти незнаком: на его работы у нас практически не ссылаются, его идеи почти не обсуждают¹, и ни один из его текстов до сих пор не был переведен на русский язык. Исправлению этого досадного упущения и посвящен настоящий небольшой очерк, а также следующий за ним перевод статьи Скэнлона «Формы и условия ответственности».

Т. М. Скэнлон родился в 1940 г., в 1962 г. окончил Принстонский университет, в котором затем преподавал с 1966 по 1984 г.; с 1984 г. он работает в Гарвардском университете, в котором после обучения в Принстоне писал свою докторскую диссертацию. В числе наиболее повлиявших на него современных философов сам Скэнлон неизменно называет Джона Ролза и Томаса Нагеля [Скэнлон и др. 2020: 242; Scanlon 1998: vii], в тесном личном взаимодействии с которыми формировалась его собственная моральная теория. За пределами американских институций наиболее важной является связь Скэнлона с Оксфордом (где он в разные годы провел несколько лет стипендиатом или приглашенным лектором), а также лично с оксфордским философом Дерекком Парфитом. Помимо долгой дружбы, их со Скэнлоном объединяла значительная общность теоретической программы в моральной философии: оба являются моральными реалистами, оба ставят в центр моральной теории понятие независимых от наших желаний оснований (*reasons*), и тип содержательной моральной теории, к которому тот и другой в итоге приходят, во многом схож².

¹ Но см.: [Скэнлон и др. 2020; Юнусов 2020; Логинов и др. 2020; Прокофьев 2021].

² В предисловии к своей монументальной работе «О том, что важно» Д. Парфит отмечал, что часто не мог вспомнить, кому изначально принадлежала та или иная философская идея – ему или Скэнлону [Parfit 2011: xlv].

Центральной работой Скэнлона, в которой он формулирует общие очертания своей моральной теории, является его первая книга «Что мы должны друг другу» [Scanlon 1998]. В этой книге он отстаивает разработанную им версию *контрактуализма*. В 2016 г., за несколько месяцев до своей смерти, Дерек Парфит назовет эту работу лучшей книгой по этике, опубликованной в XX в. [Parfit 2021: 109].

Что же такое контрактуализм? В узком смысле под контрактуализмом сегодня понимают именно моральную теорию Т. М. Скэнлона, но в более широком контексте так называют и другие теории социального контракта, например теорию Дж. Ролза и отчасти моральную теорию И. Канта. Контрактуализм как договорную теорию часто отличают от другой договорной теории – контрактарионизма, представляя их как две различные традиции, где контрактуализм выводится из идей Канта и Руссо, а контрактарионизм – из идей Т. Гоббса [Ashford, Mulgan]. Однако контрактарионизм часто просто называют гоббсонианским контрактуализмом [см., например: Parfit 2011: 27].

Основной принцип контрактуализма Скэнлона звучит следующим образом:

...действие является неправильным, если его совершение в данных обстоятельствах было запрещено каким-либо набором принципов, относящихся к общим правилам поведения, [принципов], которые никто не мог бы обоснованно (reasonably) отвергнуть как основу для осведомленного (informed), добровольного общего соглашения [Scanlon 1998: 153].

Контрактуализм ставит правильность действия в зависимость от того, как оно повлияет на людей, затронутых той ситуацией, в которой оно совершается. Основной вопрос, на который нужно ответить для того, чтобы определить, является ли влияние действия на участников ситуации таким, что оно делает его неправильным, – это вопрос о том, есть ли, учитывая все вероятные последствия действия, у кого-то из этих участников хорошие основания (good reasons) для того, чтобы не хотеть подвергаться такому влиянию.

Таким образом, в центре вопроса о правильности действия оказывается вопрос о наличии хороших оснований для того, чтобы его не допустить. Эти основания понимаются Скэнлоном, с одной стороны, как прежде всего личные (personal) основания участников ситуации [Scanlon 2021: 24–26; но ср.: 28–42], а с другой – как со-

вершенно объективные, не зависящие только лишь от склонностей и желаний человека. Определение правильности поступка в таком случае становится делом внимательного взвешивания основательных интересов всех участников ситуации для того, чтобы достичь соглашения, против которого ни у кого бы не нашлось обоснованных возражений. В основе такого понимания морали лежит представление о моральном сообществе, к которому в силу своей рациональности принадлежат все люди, и о базовом моральном отношении того, «что мы должны друг другу», которое связывает членов этого сообщества и заставляет их желать объясниться перед другими и обосновать перед ними правильность и допустимость тех своих действий, которые затрагивают жизни других [Scanlon 1998: 3–8; 2021: 23–25].

Контрактуализм Скэнлона занимает некоторое промежуточное положение между своими основными конкурентами – деонтологическими теориями кантианского типа и консеквенциалистскими теориями типа утилитаризма: от первых он отличается прежде всего прямым допущением учета личных интересов в моральной деделиберации (с чем согласны утилитаристы); от вторых – недопущением так называемых «агрегационных» способов рассуждения, в которых значительный прирост блага, распределенный по большому количеству лиц так, что он лишь очень незначительно увеличивает благополучие каждого, может служить основанием для нанесения значительного вреда одному или нескольким лицам, за счет которых он обеспечивается (в этом недопущении с контрактуализмом солидарны кантианцы) [Scanlon 1998: 229–247; 2021: 26–38]. Впрочем, Д. Парфит считал, что консеквенциализм правил, пересмотренная моральная теория Канта и контрактуализм Скэнлона совместимы между собой, и что сторонники этих теорий просто «взбираются на одну и ту же гору с разных сторон» [Parfit 2011: 419].

Скэнлон также является крупным теоретиком в области моральной ответственности. Его подход к этой проблеме был впервые систематически сформулирован в 6-й главе «Что мы должны друг другу» и был доработан в ряде более поздних публикаций. Статья 2015 г. «Формы и условия ответственности», по словам Скэнлона, является последней версией его общих взглядов на ответственность³.

³ Из личной переписки.

* * *

В заключение нужно сказать несколько слов о переводе статьи Скэнлона, который следует ниже.

Язык этой работы отличается сочетанием использования, с одной стороны, точных и терминологически строгих формулировок, а с другой – словаря повседневных моральных разговоров. При этом не всегда понятно, где граница между тем и другим употреблением и насколько точным хочет быть Скэнлон, употребляя в разных местах тот или иной термин обыденного морального словаря. Повседневный моральный словарь русского языка, однако, существенно отличается от такового английского языка, и о возможности дать всем нужным английским выражениям русские эквиваленты, которые были бы одновременно устойчивыми и выглядящими естественно, говорить не приходится. Наш общий подход к решению этой проблемы был следующим: мы последовательно и единообразно переводили те термины, которые явно имеют терминологическое значение (*reactive attitudes*, *reasons* и т. п.), но позволяли себе в местах, где нет речи о терминологической строгости, предпочесть удобочитаемость точности и переводить одни и те же выражения в зависимости от контекста по-разному. В пограничных случаях, когда дело касалось перевода слов, которые, пусть и не употребляются с терминологической последовательностью, но приближаются к этому статусу, мы, позволяя себе в разных контекстах давать разные переводы этих слов, одновременно указывали английские эквиваленты в скобках (например, так мы поступали в случае «*care*» и «*concern*»). Такой же была наша политика в отношении выражений, которые явно носят терминологический характер, но встречаются в статье достаточно редко.

Несколько замечаний о выборе терминологически точных эквивалентов.

Для выражения «*reactive attitudes*» мы, следуя за переводом П. Стросона, сделанным Е. Логиновым, выбираем словосочетание «реактивные установки», руководствуясь при этом теми же самыми соображениями, что и он [Логинов 2020: 201–202]. Специфически скэнлонианское выражение «*normative attitudes*» мы, соответственно, переводим как «нормативные установки». Английское «*attitudes*» звучит куда естественнее, чем русское «установка», и обозначает просто отношение лица к кому-то или чему-то, но слово «отношение» необходимо зарезервировать для другого важного термина

морального словаря Скэнлона, «relation»; во избежание путаницы для перевода «attitude» мы вынуждены были остановиться на несколько искусственном «установка».

В тексте статьи Скэнлон периодически употребляет слово «attitude» без уточнения, идет ли речь о реактивной установке или о существенно отличной от нее нормативной. Контекст и общая естественность терминологии «attitudes» могут позволить англоязычному читателю без особенного труда понять, о каких именно установках речь, но при технической передаче этого термина на русский язык эта понятность несколько теряется. Поэтому мы позволили себе во всех таких местах восстановить идущее перед «установками» прилагательное, предварительно уточнив правильность своего понимания этих мест в переписке с самим Скэнлоном.

Другой центральный для моральной теории Скэнлона элемент терминологии – термин «reason», что мы устойчиво передаем как «основание». Здесь особенных проблем с естественностью такого перевода не возникает, но появляется другая проблема: ряд *других* слов, которые Скэнлон использует в своем тексте, очень трудно передать в соответствующих контекстах как-то иначе, чем «основания» – речь прежде всего о «ground» и «basis». Мы позволили себе передавать все эти слова русским «основание», указывая в скобках английский эквивалент, когда речь не идет о «reason», чтобы читатель понимал, что за русским «основанием» могут скрываться разные английские слова.

Перевод сделан по изданию [Scanlon 2015] и публикуется с любезного разрешения автора. Переводчики выражают благодарность В. А. Волковой, Т. Н. Тарасенко и А. П. Беседину за их ценные замечания, которые помогли улучшить этот перевод.

Т. М. Скэнлон

ФОРМЫ И УСЛОВИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Условия⁴ ответственности – это условия, необходимые для того, чтобы то, что сделал агент, или то, каков он, имело определенные моральные последствия – то есть изменяло наши моральные отношения с этим агентом определенным образом.

⁴ Я признателен Анджеле Смит за очень полезные комментарии к предыдущей версии этой статьи.

Я рассмотрю две формы ответственности, которые различаются по типу такого рода моральных последствий. Одним из видов моральных последствий являются определенные уместные положительные или отрицательные моральные реакции на совершившего некое действие человека – такие реакции, как осуждение (blame), негодование (resentment), похвала (praise) или благодарность (gratitude) – так что мы можем сказать, что то, что сделал человек, делает эти реакции уместными только в том случае, если человек был ответственен за соответствующее поведение. Я буду называть ответственность такого рода *ответственностью моральной реакции* (moral reaction responsibility)⁵.

Другим видом моральных последствий является изменение обязанностей человека в отношении других людей и их обязанностей в его отношении. Обещание, передача денег, решение рискнуть или, наоборот, не воспользоваться некоторой возможностью могут изменить обязанности человека в отношении других людей, а также изменить их обязанности в его отношении, если человек несет ответственность за совершение данных действий. Я буду называть ответственность такого рода *содержательной ответственностью* (substantive responsibility).

Условия ответственности – это условия, которые должны выполняться для того, чтобы человек мог нести ответственность за что-либо в одном из этих двух смыслов. Вопрос, каковы эти условия, является моральным вопросом первого порядка, вопросом о том, что необходимо для того, чтобы возникали (follow) моральные последствия соответствующего рода⁶. Один из ответов на этот

⁵ В более ранних работах [Scanlon 1998; 2008] я проводил различие между содержательной ответственностью и тем, что я называл «ответственностью как приписываемость» (attributability). Эта пара терминов теперь кажется мне плохо подобранной. Формулировка «содержательная ответственность» характеризует класс утверждений об ответственности с точки зрения предполагаемых моральных последствий. Значит, утверждения противоположного класса должны характеризоваться с этой же самой точки зрения, и именно на это нацелена формулировка «ответственность моральной реакции». Формулировка «ответственность как приписываемость» указывает на некое условие (а именно возможность приписать нормативную установку человеку), которое я полагаю достаточным для ответственности последнего рода. Я не изменил своего мнения по этому поводу. Изменение терминологии предназначено только для того, чтобы зафиксировать параллель между двумя описанными выше классами утверждений об ответственности.

⁶ Утверждая, что вопрос о том, какая свобода требуется для ответственности моральной реакции (если мы исходим из того, что для нее вообще требуется ка-

вопрос может заключаться, например, в том, что человек несет ответственность за что-то в любом из этих смыслов только в том случае, если это что-то находится под его собственным произвольным (voluntary) контролем.

В этой статье я рассмотрю условия каждого из этих двух видов ответственности, подходя к данному вопросу только что описанным способом – как к вопросу о том, что требуется с моральной точки зрения для того, чтобы то, что человек сделал, или то, каков он есть, имело определенные моральные последствия. Я буду отстаивать тезис о том, что условия ответственности моральной реакции и условия содержательной ответственности существенно различаются. В случае ответственности моральной реакции я буду отстаивать тезис о том, что тем, что делает моральные реакции, такие как осуждение, уместными, являются прежде всего нормативные установки агента – несмотря на то, что эти установки по большей части не контролируются людьми. Контроль играет более важную роль в случае содержательной ответственности, но и здесь он не так важен, как часто считается. Люди могут в некоторых случаях не нести подобной ответственности за выбор, который они совершают, даже если этот выбор является вполне добровольным (voluntary).

Ответственность моральной реакции

Иногда, когда утверждается или отрицается, что человек ответственен за некоторые действия, то тем самым утверждается или отрицается, что человек заслуживает за это действие осуждения. Например, когда говорится, что банковский служащий не несет ответственности за то, что отдал деньги грабителю под дулом пистолета, то имеется в виду, что служащего не следует осуждать за это. Однако я буду понимать ответственность моральной реакции в нейтральном смысле, одинаково применимом по отношению и к отрицательным реакциям, таким как осуждение, и к положительным реакциям, таким как похвала и благодарность. Условия ответственности моральной реакции в данном нейтральном смысле – это условия, необходимые для того, чтобы действие или установка

какая-либо свобода), является моральным вопросом первого порядка, я поддерживаю то, что Джей Уоллес назвал нормативным подходом к вопросу об ответственности (хотя я не стал бы формулировать этот моральный вопрос в терминах справедливости, как это делает он) [см.: Wallace 1994: 95].

агента сделали реакции любого из этих видов уместными. Банковский служащий явно несет ответственность в этом нейтральном смысле: он может заслуживать похвалы, благодарности или даже премии за то, что так хорошо справился со сложившейся ситуацией. Хотя утверждения о том, что человек не несет ответственности за какие-то действия, иногда кажутся эквивалентными утверждениям о том, что человек не заслуживает осуждения, большинство теорий моральной ответственности рассматривают ответственность в том нейтральном смысле, который я только что описал. Например, тезис о том, что агент несет ответственность за действие только в том случае, если оно находилось под его контролем, является тезисом об условиях ответственности в этом нейтральном смысле.

Для того чтобы добиться ясности в вопросе о том, каковы условия ответственности моральной реакции, мы должны прежде всего разобраться с тем, какого рода реакции этот вид ответственности предположительно будет делать уместными. Например, осуждение – это довольно расплывчатое понятие, и я сомневаюсь, что большинство людей имеют четкое представление о том, что именно под ним подразумевается. Для того чтобы продвинуться вперед в этом вопросе, нам нужно для начала более точно определить диапазон реакций, которые мы полагаем относящимися к делу. Сделав это, мы сможем затем спросить, какие у нас имеются основания, чтобы считать эти реакции важными и реагировать на других людей подобным образом, а также задаться вопросом о том, что требуется, чтобы эти реакции оказались уместными.

Ответы на эти вопросы могут варьироваться в зависимости от конкретных реакций, о которых идет речь. Эта зависимость ответов от положений, которые мы принимаем за отправные точки нашего исследования, не делает вопрос о моральной ответственности тривиальным или произвольным. Разнообразные ответы такого рода скорее представляют собой философский прогресс, в котором более четкий ответ на вопрос достигается через уточнение самого вопроса. Отправные точки такого исследования не произвольны. Но задаются они не предполагаемым дескриптивным фактом о том, что люди «на самом деле имеют в виду» под осуждением. Я подозреваю, что такого факта просто не существует. Релевантные отправные точки скорее определяются нормативными фактами: это те реакции, которые у нас есть хорошие основания считать важными (care about) и которыми у нас есть хорошие основания реагиро-

вать на других людей. Такой подход не делает дискуссию тривиальной, исключая возможность того, что в моральной ответственности вообще есть какая-либо проблема. Проблема будет возникать в том случае, если существуют такие реакции на других людей, которые у нас есть хорошие основания считать важными и хотеть использовать, но которые мы, учитывая обстоятельства, не можем использовать оправданно.

Вслед за Стросоном я утверждаю, что те реакции на других людей, о которых идет речь в таких случаях, являются своего рода *реактивными установками* (reactive attitudes), то есть установками в отношении агента, которые рассматриваются как оправданные его нормативными установками в отношении других людей [Стросон 2020]. В моем понимании решить, что агент является дурным или хорошим человеком в моральном смысле – значит отреагировать на него реактивной установкой в подобном чрезвычайно общем смысле. Осуждение и похвала иногда понимаются как просто оценочные реакции такого рода. Но установки, к которым у нас есть основания прибегать, включают в себя нечто большее, чем простую оценку.

Что же еще в них содержится? Стросон в своей статье поместил в центр своего рассмотрения реактивные эмоции, такие как негодование и возмущение, и богатая философская традиция, сложившаяся вокруг этой статьи, как правило, подходила к этому вопросу так же, как и он. Однако я бы хотел расширить диапазон реактивных установок, для которых ответственность моральной реакции является условием, включив в него также реакции иного типа⁷. В случае осуждения это будут такие реакции, как:

1. Отказ в доверии.
2. Снижение готовности вступать с человеком в такие особые отношения, как дружба.
3. Снижение готовности помогать человеку в реализации его планов.
4. Снижение склонности радоваться тому, что дела другого человека идут хорошо, и чувствовать грусть или сожаление, когда это не так.

Все эти реакции являются «реактивными установками» в том общем смысле, который придает этому термину Стросон: установ-

⁷ Защиту этой позиции и дополнительное обсуждение этих установок см.: [Scanlon 2008: гл. 4; 2013a].

ками в отношении человека (включая изменение намерений, связанных с тем, как обращаться с человеком или реагировать на него), которые применяются в ответ на установки этого человека в отношении себя или других людей. Все установки, которые я только что перечислил, являются отрицательными, однако положительные моральные реакции также включают в себя нечто большее, чем просто положительную оценку или положительные эмоции. Например, быть благодарным человеку, который помог вам, означает иметь повышенную готовность помочь ему в ответ, если представится такой случай. Одно лишь теплое чувство в отношении человека или всего лишь положительная оценка его личности кажутся неадекватным описанием того, что мы обычно подразумеваем под благодарностью, если они не сопровождаются подобного рода повышенной готовностью к помощи.

Установки из этого диапазона – оценочные установки, строгие моральные эмоции, а также более широкий спектр установок, которые я только что перечислил, – все являются реакциями на одни и те же черты личности человека, а именно на формы его заботы (concern) о других людях и на основания (reasons), которые он видит для того, чтобы относиться к другим так или иначе. Используя терминологию Файнберга [Feinberg 1970], можно сказать, что у всех этих установок одинаковые основания заслуженности (desert bases). Но одно дело определить их как установки, частью содержания которых является то обстоятельство, что они суть реакции на подобные нормативные установки других людей, и совсем другое – утверждать, что эти реактивные установки действительно можно обосновать ссылкой на подобные факты о нормативных установках тех, в отношении кого они применяются (held). В этой связи перед нами встают два вопроса: на каких основаниях мы должны формировать эти реактивные установки и прибегать (hold) к ним? И как должно обстоять дело, чтобы эти основания оказались достаточными?

Ответы на эти вопросы будут отличаться в зависимости от тех конкретных реактивных установок, о которых идет речь. Если той реактивной установкой, которая нас интересует, является, например, простая моральная оценка, то возникает вопрос, на каких основаниях нас заботят моральные качества других людей. Подобная забота может показаться чем-то вроде пустого выставления моральных отметок (grading), если только она не служит какой-то

практической цели или цели, связанной с соображениями благоразумия (prudential purpose).

Основания для реактивных эмоций, которые выделяет Стросон, а также для того более широкого диапазона реакций, которые я перечислил выше, производны от тех оснований, которые есть у нас для того, чтобы испытывать озабоченность по поводу нормативных установок других людей, и в особенности по поводу тех оснований, которые они видят для того, чтобы относиться к нам тем или иным образом. Некоторые основания для этой заботы продиктованы исключительно соображениями благоразумия: у нас есть основания хотеть знать, на кого мы можем рассчитывать при планировании совместной деятельности и кому мы можем доверять в различных иных отношениях.

Но связанные с соображениями благоразумия основания – это только часть общей картины. У нас также есть основания для того, чтобы испытывать озабоченность по поводу нормативных установок человека, потому что они определяют природу наших взаимоотношений с ним, и у нас есть основания считать природу этих взаимоотношений чем-то весьма важным. Есть разница между сотрудничеством с человеком, который серьезно относится к вашим интересам, и сотрудничеством с человеком, которого на самом деле интересует только его собственная выгода, даже если ни тот, ни другой на деле никогда не подводит вас. Равно как существует разница между доверительным разговором с тем, кто сочувственно относится к вашим проблемам, и таким же разговором с тем, кто внутренне презирает то, что он считает вашей наивной глупостью, даже если последний никогда не проявляет этих своих чувств.

Эти примеры показывают, что значение, которым обладают наши взаимодействия с другими людьми, зависит от того, что они рассматривают в качестве тех оснований, которым подчиняются эти взаимодействия⁸. У нас есть основание считать это значение чем-то важным и есть основание иметь в отношении других людей установки, которые являются уместными реакциями на него. Например, у нас есть основание не иметь установок дружбы и доверия в отношении тех людей, чьи собственные установки в отношении нас делают подобные установки неуместными. Реактивные установки, которые я перечислил, представляют собой способы скорректировать наши установки в ответ на подобные основания.

⁸ Более подробное обсуждение этой идеи значения см.: [Scanlon 2008].

Такой способ понимания реактивных установок и лежащих за ними соображений позволяет нам, в частности, увидеть, что осуждение не является ни, с одной стороны, просто оценочной установкой, ни, с другой стороны, карательной установкой. Осуждать кого-то значит нечто большее, чем просто выставлять ему оценку, потому что осуждение предполагает изменения наших взаимоотношений с осуждаемым – такие как отказ в доверии и дружбе. Это изменения, которых у другого человека есть основания не хотеть. Однако, в отличие от наказаний, мы прибегаем к этим изменениям не *потому, что* они являются чем-то плохим с точки зрения этого человека, а на основаниях, связанных с важностью (concern) для нас самих наших взаимоотношений с ним.

Такой подход также обнаруживает, что уместность реакций, связанных с осуждением, зависит от предшествующих взаимоотношений человека, который реагирует, с человеком, на которого он реагирует. Так, имеет значение, являются эти двое близкими друзьями или незнакомыми людьми, являются они оба взрослыми или один из них ребенок, и не поступил ли один из них ранее с другим дурно. (Подробнее обо всех этих случаях я скажу ниже.) Релевантность этих предшествующих взаимоотношений наиболее очевидна в случаях, которые являются личными в двух смыслах: в случаях, когда стороны состоят в каких-то личных взаимоотношениях друг с другом, например, являясь друзьями или коллегами, и в случаях, когда человек, который реагирует, является каким-либо образом жертвой упущений того, на кого он реагирует. Я полагаю, однако, что данный аспект реактивных установок, связанный с взаимоотношениями между агентами, не ограничивается случаями, которые являются личными в этих двух смыслах.

Даже в случаях нашего взаимодействия с незнакомыми людьми мы вполне оправданно считаем важным, какими именно основаниями они руководствуются. Одно дело, если нас спасет, не дав нам утонуть, человек, который убежден, что наши основания хотеть продолжать жить дают ему основание для того, чтобы спасти нас, и совсем другое – если человек спасет нас только потому, что он заинтересован в том, чтобы его имя попало в газеты. Если с нами обращаются подобным образом, то есть как с человеком, чьи интересы не имеют ни малейшего значения, то это является оскорбительным. Я полагаю, это указывает на то, что существует некоторая степень заботы (concern) о других людях, которую должен проявлять каждый порядочный человек. Эта взаимная забота друг

о друге конституирует базовые (default) моральные взаимоотношения, в которых в идеале мы состоим со всеми людьми без исключения. Если кто-то не проявляет этой степени заботы, то данный факт делает уместным для других определенного рода изменение их базовых установок в его отношении – в частности, реакцию на него с помощью реактивных установок того типа, который я описал выше.

Как я уже сказал, основание для таких реакций бывает наиболее заметным, когда объектами чьего-то безразличия (lack of concern) оказываемся мы сами. Но и когда человек плохо обошелся с кем-то другим, у нас есть основание начать относиться к нему иначе⁹. С одной стороны, можно сказать, что этого требуют наши взаимоотношения с пострадавшим: если бы мы не начали относиться к обидевшему его агенту иначе, то это отражало бы неспособность с нашей стороны принимать всерьез интересы пострадавшего. Но если действия агента в отношении третьих лиц обнаруживают отсутствие той степени заботы, с которой он должен относиться ко всем людям без исключения, то эти его действия также более непосредственно касаются наших собственных взаимоотношений с ним. Такие его действия могут, например, отражать представление агента о том, что он должен относиться с подобного рода заботой не ко всем без исключения, но только лишь к определенным людям – к тем, кто особенно важен лично для него, или к членам какой-то определенной группы. И это дает нам основание изменить наши установки в его отношении.

Я полагаю, что основания (reasons) такого рода могут служить достаточными основаниями (grounds) для того, чтобы изменять наши установки в отношении других людей перечисленными мною способами. Это обусловлено тем, что нормальные установки в отношении других людей, которые изменяются, когда мы формируем подобные реактивные установки, не являются чем-то, что мы должны другим людям безусловно: мы должны иметь их в отношении других людей, только если они, в свою очередь, имеют уместные установки в отношении нас и других людей. Просить нас доверять ненадежным людям, проявлять особую заботу, причитающуюся друзьям, о тех, кто не проявляет подобной заботы о нас в ответ, и так далее – значило бы требовать от нас слишком многого.

⁹ Стросон называет такие реактивные установки «косвенными» [см.: Стросон 2020: 213–214].

Справедливо ли сказанное для всех моральных реактивных установок, которые я перечислил, зависит, конечно, от того, как именно эти установки понимаются. В число реактивных установок, которые Стросон считает потенциально уместными, входит в том числе и то, что он называет «отказом от доброй воли». Этот «отказ» очень похож на четвертую из перечисленных мною пересмотренных установок, которую я описал как «снижение склонности радоваться тому, что дела другого человека идут хорошо, и чувствовать грусть или сожаление, когда это не так». Но отказ от доброй воли в понимании Стросона не ограничивается этим и также подразумевает «изменение общего требования, согласно которому другой должен, если это возможно, быть избавлен от страдания», а также «готовность мириться с причинением страдания нарушителю, которое является важной частью наказания» [Стросон 2020: 219]. Я полагаю, что готовность мириться с причинением нарушителю некоторых видов ущерба, которые обычно подразумеваются наказанием (таких как лишение свободы), может быть оправдана (justified), когда это необходимо для защиты других людей от серьезного вреда. Но я не считаю, что готовность мириться с чужими страданиями такого рода может быть уместна в силу *одних лишь* установок человека в отношении других людей, которые отражаются в его действиях¹⁰. Таким образом, я не включаю этот дополнительный элемент в диапазон тех реактивных установок, которые может оправданно повлечь за собой тот факт, что человек ответственен в смысле ответственности моральной реакции.

Это важное различие. Я полагаю, что разногласия по поводу свободы воли и моральной ответственности возникают в значительной степени из-за неясности в вопросе о том, каков диапазон тех реакций, которые «наличие ответственности» за действие или установку может сделать уместными. Если бы в число этих реакций входила готовность мириться с причинением страданий, то это бы делало более правдоподобным инкомпатибилистский тезис, согласно которому моральная ответственность требует свободы воли. Предположение о том, что причинение страданий человеку может быть оправдано только лишь тем, каков этот человек есть (какие установки он имеет в отношении других), независимо от того, мог

¹⁰ О том понимании заслуги, с которым тесно связана моя точка зрения по этому вопросу, см.: [Scanlon 2013b]. Обсуждение и защиту более требовательной точки зрения Стросона см.: [Boxer 2013].

ли он избежать того, чтобы стать таким, кажется весьма неправдоподобным. Соответственно, если отказ от доброй воли в этом более сильном смысле не является одной из тех вещей, уместность которых может быть обеспечена наличием у человека определенных установок, за которые он несет ответственность, то это облегчает защиту компатибилистского взгляда на моральную ответственность, согласно которому уместность осуждения и других реактивных установок не предполагает обязательного наличия у человека свободной воли.

Я должен, однако, подчеркнуть, что это следствие для вопроса о свободе воли не является моим основанием для исключения отказа от доброй воли в этом более сильном смысле из числа реактивных установок, которые могут сделать уместными установки человека в отношении других людей. Я не считаю, что готовность причинять боль или мириться со страданиями человека может быть оправдана одними лишь установками человека в отношении других людей, *вне зависимости от того, были эти установки приняты агентом свободно или нет*. Так что я не включаю такую готовность в число рассматриваемых мною реактивных установок, поскольку меня интересуют только те реактивные установки, которые *могут* быть оправданы установками человека в отношении других людей.

Впрочем, даже если отвлечься от вопросов наказания, многим кажется вполне правдоподобным тезис о том, что в целом человек ответственен за нечто только в том случае, если это нечто находится под его контролем. Чтобы объяснить, почему этот тезис может показаться правдоподобным, несмотря на то, что он ложен, мне придется чуть подробнее обсудить идею ответственности в целом и ту роль, которую играют, с одной стороны, нормативные установки человека, а с другой – его действия в том, чтобы реактивные установки в его отношении стали уместными.

До сих пор я утверждал, что моральные реактивные установки становятся уместными в силу нормативных установок человека в отношении других людей – то есть благодаря тому, что человек рассматривает в качестве оснований для того, чтобы обращаться с другими людьми определенным образом. Поэтому для того, чтобы действие человека играло определенную роль в том, чтобы сделать уместными в его отношении какие-либо моральные реактивные установки, это действие должно каким-либо образом свидетельствовать о нормативных установках этого человека. Таким образом, в целом я буду утверждать, что агент несет ответственность

за действие в смысле ответственности моральной реакции только в том случае, если это действие отражает нормативные установки этого агента – то, что он рассматривает в качестве оснований для своих действий.

Это условие, очевидно, необходимо для того, чтобы действие агента сделало уместной некоторую реактивную установку, но оно оставляет полностью открытым вопрос (делая его предметом моральной оценки), какую именно реакцию установки агента делают уместной (при условии, что они вообще делают уместной какую-либо реакцию). Таким образом, это условие, как я уже говорил выше, имеет нейтральный характер, будучи условием как для отрицательных реактивных установок, таких как осуждение, так и для положительных установок, таких как благодарность. Оно также применимо к действиям, которые являются морально нейтральными – действиям, которые отражают взгляды агента на основания, не имеющие морального значения, такие как решение человека искупаться, а не прогуляться. Подобная широта применимости данного условия кажется мне правильной: было бы странно сказать, что человек не несет ответственности за те свои действия, которые не являются в моральном смысле ни хорошими, ни дурными.

Нормативные установки могут быть приписаны только рациональным агентам. Я исхожу из того, что рациональный агент – это физически воплощенный центр сознания, обладающий в результате этого воплощения предрасположенностями мыслить, действовать и чувствовать, которые приблизительно соответствуют модели, требуемой для рациональной агентности. Это означает, среди прочего, что если человек в какой-то момент решит, что определенное соображение является хорошим основанием действовать определенным образом, то это, как правило, хотя и не всегда, найдет отражение в его последующих действиях¹¹. Кроме того, хотя набор

¹¹ Представление о том, что я называю в своих работах чувствительными к суждениям установками, является частью этой картины рационального агента [Scanlon 1998: 20–24, 179–187, 272–276]. Чувствительность к суждениям в том смысле, который я имею в виду, – это свойство определенных типов установок (таких как убеждения и намерения), которое состоит в том, что описанных рациональных связей (connections). Любое убеждение или намерение, уже просто в силу того, что оно является установкой одного из этих типов, чувствительно к суждению: то есть оно будет в той мере, в какой агент полностью рационален, отзывчиво к его собственным суждениям и решениям. Это не означает, как то предполагает Джон Мартин Фишер, что каждая конкретная подобная установка

установок человека никогда не бывает полностью последовательным, когда человек обнаруживает наличие непоследовательности в своих установках, это, как правило, приводит к некоторому их изменению, которое рассматривается человеком как нечто необходимое ввиду этой самой непоследовательности. В той мере, в какой эти рациональные отношения между установками человека имеют место, они имеют место в силу его физической воплощенности¹².

Именно поэтому определенные виды физического вмешательства могут подрывать ответственность в том смысле, о котором я говорю. Если, например, агент вел себя определенным образом только потому, что он был принужден (caused) к этому электрической стимуляцией его мозга, то это его поведение может совершенно не свидетельствовать о том, каков сам этот человек и что он в действительности рассматривает в качестве оснований для своих действий. Поскольку это поведение не вызвано теми физическими механизмами, которые обеспечивают работу установок и действий человека в общем случае, оно не дает никаких оснований (grounds) для вывода о том, каковы эти установки.

Тот факт, что определенная установка была вызвана манипуляцией, подрывает ее значимость, так как он подрывает каузальное основание (causal basis) для установления какой бы то ни было связи между этой установкой и тем, каков человек на самом деле (в психологическом смысле). Однако тот факт, что все установки человека вызваны (caused), в конечном счете, внешними по отношению к агенту факторами, над которыми он не имеет никакого контроля, не будет иметь того же подрывного эффекта. Чем бы они ни были вызваны, нельзя сказать, что установки человека в целом не отражают того, каков он есть на самом деле, поскольку они *как раз и есть* то, каков он на самом деле. Идея о том, что меня неуместно осуждать за имеющиеся у меня установки, в силу того что эти установки были вызваны моей наследственностью и окружающей средой, кажется, опирается на идею о том, что существует некое «невинное я», сущность которого не отражается этими уста-

должна быть *актуально* отзывчивой к суждению имеющего ее человека – то есть что эта установка была бы изменена, если бы человек счел, что для этого есть решающие основания [см.: Fischer 2012: 154].

¹² Отсюда тезис Юма о том, что тот факт, что наши действия и установки управляются общими каузальными законами, только и делает нашу моральную ответственность возможной, а вовсе не представляет для нее угрозу [Юм 1996: кн. 2, ч. 3, разд. 1, 2].

новками. Но никакого подобного существа нет. В противоположность этому, если представить себе, что в какой-то момент жизни все установки человека одновременно полностью изменяются – скажем, в результате целенаправленного воздействия электричеством на его мозг или из-за удара по голове – то тогда разумно будет сказать, что человек не несет ответственности за эти новые установки. В таком случае у нас имеется прошлый человек с хорошо определенными установками, чью личность эти новые установки не отражают. Так что утверждение о том, что в таком случае его нельзя должным образом судить на основании (basis) этих новых установок, будет вполне верным. (Как его следует судить позже, когда эти установки станут новой нормой для этого человека, – отдельный вопрос.)

Если действие находилось под контролем человека – особенно если оно было результатом его сознательного выбора или решения, – то оно отражает некоторые установки относительно оснований, которых человек придерживается. Вот почему тезис о том, что кто-то несет ответственность за действие только в том случае, если оно было под его произвольным (voluntary) контролем, кажется правдоподобным. В самом деле, если под «находящимся под контролем человека» мы подразумеваем не более чем «произведенное человеком и, следовательно, отражающее его взгляд на то, какие основания у него имеются», то это утверждение об условиях ответственности моральной реакции является верным. Но для того, чтобы быть отражением нормативных установок человека, действие не обязательно должно быть результатом сознательного выбора или решения или же таким действием, совершения которого человек мог бы избежать.

Импульсивные или необдуманые действия могут раскрыть, каков человек, даже если они не были совершены им вследствие сознательного выбора – а возможно, даже как раз именно потому, что они не были предметом сознательного выбора. То же самое можно сказать и о других, отличных от действий вещах, которые в еще меньшей степени находятся «под нашим контролем», – таких, как случаи, когда у нас не получается вспомнить или заметить определенные вещи. Тот факт, что друг постоянно забывает ваше имя, может отражать безразличие к вам с его стороны, и в этом случае он несет за это ответственность. Но если его забывчивость вызвана просто возрастной номинальной афазией, то он не несет ответственности за эту забывчивость. Он не несет за нее ответ-

ственности не потому, что его забывчивость каузально обусловлена (has a causal basis), а потому, что тот конкретный способ, которым она каузально обусловлена, показывает, что она не связана с тем, что этот человек считает важным, и, следовательно, не отражает его нормативных установок.

Это подводит нас к вопросу о том, можно ли считать человека ответственным за свои нормативные установки в смысле ответственности моральной реакции¹³. Если под ответственностью человека за свои нормативные установки мы просто подразумеваем, что они могут служить основанием (basis) для моральных реактивных установок, то ответ очевиден: да, человек несет ответственность за свои нормативные установки. На самом деле эти установки – *единственное*, за что человек ответственен в наиболее фундаментальном смысле. Все прочие вещи, такие как действия или бездействия (omissions) человека, могут быть основанием (basis) для реактивных установок только производным образом – в той мере, в какой они отражают нормативные установки этого человека.

Мысль о том, что люди ответственны за свои установки, может показаться странной, поскольку эти установки не находятся «под их контролем», то есть не являются результатом их выбора и не могут быть с его помощью изменены. Но это просто ошибка. Данное рассуждение представляет собой результат применения к установкам условия ответственности, которое на самом деле применимо только к действиям, да и то не во всех случаях. Как я уже говорил выше, вопрос о том, находилось ли действие «под контролем человека», может быть релевантным для решения вопроса об ответственности, поскольку он может быть релевантным для решения вопроса о том, отражало ли это действие нормативные установки агента. Но ответ на вопрос о том, отражают ли нормативные установки агента его нормативные установки, очевиден. Так что вопроса о контроле в данном случае не возникает. Конечно, бывают случаи, когда несколько установок агента вступают в конфликт друг с другом: как, например, когда человек периодически испытывает предубеждения против кого-то или чего-то, которые он отвергает и отбрасывает, но возникновение которых он не может контролировать. Однако в таких случаях вопрос не в том, можно ли приписать эти установки человеку в смысле, релевантном для ответственности. Ответ на этот вопрос, очевидно, положительный:

¹³ В этом вопросе я согласен с Анджелой Смит [см.: Smith 2005].

это его установки. Именно поэтому человек их стыдится. Тот факт, что агент отвергает эти установки, не говорит о том, что они ему не принадлежат. Скорее он дополняет эти установки более полной картиной того, каким человеком является имеющий их агент, тем самым изменяя вид реактивных установок, являющихся уместными в его отношении.

Есть, конечно, также отдельный вопрос о том, ответственен ли агент за то, что он приобрел те установки, которыми он обладает в данный момент. Если, например, эти установки являются результатом ряда выборов, сделанных агентом в прошлом, то можно задать вопрос о том, отражают ли эти выборы такие нормативные установки, как безразличие к развитию своего морального характера, которые в свою очередь сами достойны критики. Однако критика тех установок, которые есть у человека, и критика тех установок, которые привели к формированию нынешних установок, – это два разных вопроса. Человека не обязательно должно быть можно критиковать во втором смысле, чтобы он мог оправданно (*properly*) быть объектом реактивных установок первого вида.

Теперь я попытаюсь проиллюстрировать и защитить изложенный выше взгляд на ответственность, рассмотрев несколько примеров. Однако прежде чем перейти к ним, я хочу подчеркнуть, что приведенные ниже рассуждения основаны на двух общих тезисах. Первый – это общий тезис о том, что условия ответственности зависят от реакций, которые предположительно делает уместными наличие у агента ответственности, и эти условия должны быть обоснованы ссылкой на такие реакции. Второй – более частный тезис о том, что они могут быть сделаны уместными исключительно тем, каковы нормативные установки человека, на которого мы реагируем, в целом. Таким образом, для человека быть ответственным за действие или установку в релевантном смысле означает, что это действие является хорошим показателем того, каков в этом отношении человек на самом деле. Это, как я уже говорил выше, моральный тезис первого порядка, касающийся того, когда мы должны (и когда не должны) другим людям не изменять наши установки по отношению к ним. Следовательно, все мое рассуждение может быть оспорено либо опровержением этого морального тезиса, либо доказательством того, что диапазон реакций, которые наличие у агента моральной ответственности может сделать уместными в отношении агента, шире, чем я это допустил, и последующей за-

щитой морального тезиса о том, что эти дополнительные реакции допустимы в отношении агента только при выполнении неких дополнительных условий ответственности, не учтенных мной.

Обратимся теперь к некоторым примерам. Тот факт, что банковский служащий, отдавший деньги грабителю, столкнулся с реальной угрозой насилия, обуславливает то, что он не заслуживает осуждения (*is not blameworthy*) за передачу денег. Но эта угроза не делает действие передачи денег чем-то, за что служащий несет ответственности (то есть чем-то, что не отражает того, каким образом служащий оценил имеющиеся у него основания). Угроза в данном случае скорее просто меняет то, на какие именно основания служащий реагирует¹⁴. Передача грабителю денег банка с тем, чтобы избежать насилия, не является чем-то предосудительным (*blameworthy*), хотя если бы служащий отдал деньги грабителю только потому, что тот попросил об этом и показался служащему приятным человеком, то такое действие вполне было бы предосудительным. Осуждение в данном случае неуместно не в силу отсутствия у служащего контроля над своими действиями. Служащий контролировал свои действия и является *ответственным* за передачу денег в том нейтральном смысле, который меня интересует. Об этом свидетельствует, как я уже говорил выше, тот факт, что уместной реакцией со стороны руководства банка на то, как служащий повел себя в этой ситуации, может быть благодарность или даже премия.

Примеры Гарри Франкфурта о добровольном (*willing*) и невольном (*unwilling*) наркоманах следует понимать аналогичным образом [Frankfurt 2003]. Франкфурт предлагает представить двух наркоманов, каждый из которых имеет очень сильное желание принять наркотик и каждый из которых принимает его, действуя согласно этому желанию. Но один из них, невольный наркоман, обладает волеием (*volition*) второго порядка не действовать в со-

¹⁴ Факты о том, каковы убеждения агента относительно ситуации, влияют на то, заслуживает ли он осуждения, точно таким же образом. Если агент не считал, что его действия нанесут кому-то вред, или даже полагал, что они принесут кому-то пользу, то это означает, что такие действия не указывают на недостаток у агента заботы о том, что случится с другими. Может ли ошибочное убеждение на этот счет само по себе отражать предосудительный недостаток заботы о других – это, конечно, отдельный вопрос. Таким образом, то, что Фишер и Тоньяццини называют «эпистемическим условием» моральной ответственности, прямо следует из основания (*basis*) моральной ответственности, как я его описал [см.: Fischer, Tognazzini 2012].

ответствии со своим желанием принять наркотик, тогда как другой наркоман одобряет действие согласно этому своему желанию. Франкфурт говорит, что добровольный наркоман действует свободно, а невольный – нет. Предположение Франкфурта состоит в том, что действие невольного наркомана и желание, согласно которому он действует, не являются «его» действием и желанием в том смысле, который необходим для возложения на него моральной ответственности, поскольку они противоречат его волеию второго порядка. Франкфурт говорит, что этот наркоман «беспомощен перед своим желанием принять наркотик», которое является «силой, отличной от него самого» [Frankfurt 2003: 328, 329].

Мне кажется, что это неверно. И действие, и желание принадлежат самому невольному наркоману. Он не мог бы с чистой совестью отрицать, что он хотел наркотик или что он сам решил его принять. Разница между добровольным и невольным наркоманом – это скорее разница в общих (overall) наборах установок, которые им можно приписать. Невольный наркоман в дополнение к желанию принять наркотик имеет по отношению к этому желанию установку неодобрения, которую нам предлагается рассматривать как нечто достойное похвалы, в то время как добровольный наркоман одобряет прием наркотика, что нам предлагается рассматривать как нечто, достойное критики. Таким образом, наша общая оценка двух наркоманов должна быть различной.

Нечто подобное идее контроля вступает в игру, только когда мы задаемся вопросом, не следует ли, учитывая, что невольный наркоман все-таки принимает наркотик, относиться всерьез к его неодобрению этого своего желания. Здесь описание ситуации склоняет нас к тому, чтобы сделать некоторое допущение насчет зависимости и заключить на основании этого допущения, что мы все же должны продолжать приписывать эту установку наркоману, несмотря на то что он действует вопреки ей, потому что люди с опиатной зависимостью обычно действуют вопреки тому, как они сами считают правильным действовать. (Сравните со сказанным выше о номинальной афазии.)

Другой пример Франкфурта также говорит в пользу тезиса о том, что для решения вопроса о наличии у агента моральной ответственности степень его контроля над действием релевантна лишь в тех случаях, когда эта степень релевантна для решения вопроса о том, какие именно установки агента фактически были от-

ражены в этом действии. Франкфурт [2017] предлагает представить ситуацию, в которой, хотя агент убежден, что у него есть выбор между двумя альтернативами, на самом деле некий манипулятор с помощью некоторого устройства способен воздействовать на его мозг таким образом, что если агент проявит признаки решения выбрать вариант Б, манипулятор произведет с его помощью стимуляцию мозга агента так, что это заставит того намеренно выбрать А. Так получается, что агент и сам не находит Б привлекательным и охотно выбирает А. Поэтому манипулятор никак не вмешивается в ситуацию, и его присутствие оказывается совершенно не важно для исхода этой ситуации. Присутствие манипулятора действительно предполагает, что агент «не мог действовать иначе, чем он фактически действовал», но, как убедительно доказывает Франкфурт, это оказывается совершенно не важно для решения вопроса о моральной ответственности агента — то есть я бы сказал (хотя Франкфурт не указывает на это явно), что присутствие манипулятора оказывается совершенно не важным для вывода об общих нормативных установках этого агента, который мы должны сделать на основании его действий.

Данный пример подтверждает идею о том, что для моральной ответственности важно то, что Джон Мартин Фишер называет фактической последовательностью, ведущей к действию, а не существование альтернативных возможностей развития событий [Fischer 2012]. Наиболее убедительным свидетельством в пользу этого взгляда на моральную ответственность, однако, выступают не подобные примеры, а скорее тот факт, что этот взгляд является прямым следствием наиболее правдоподобного объяснения того, условиями чего являются условия моральной ответственности. Если условия ответственности являются условиями уместности моральных реактивных установок, и если эти установки являются реакциями на установки агента в отношении других людей, то для решения вопроса о моральной ответственности агента за его действие важными являются именно нормативные установки, фактически отраженные в этом действии.

Фишер, однако, утверждает, что тот факт, что действие является точным отражением текущих нормативных установок агента, не всегда достаточен для моральной ответственности. Он считает, что, по крайней мере в некоторых случаях, для нее необходимым является также то, что он называет «условием отслеживания». В частности он считает, что такое условие требуется в примере

из книги Джордж Элиот, который приводит Анджела Смит¹⁵. У Джордж Элиот мисс Эшер завтракает со своим поклонником, капитаном Уайброу. Он спрашивает, не хочет ли она немного желе, и она с усмешкой отвечает, что смела надеяться, к настоящему моменту он успеет заметить, что она никогда не берет желе. Уайброу действительно этого до сих пор не заметил, и мисс Эшер воспринимает это как признак того, что она недостаточно важна для него, чтобы он был внимателен к ее предпочтениям.

Джордж Элиот, равно как и Смит, считает это основанием для мисс Эшер начать менее благосклонно относиться к капитану Уайброу как к поклоннику. Я с ними согласен. Фишер, однако, утверждает, что для того, чтобы Уайброу был морально ответствен за тот факт, что он не заметил, что именно нравится мисс Эшер, – то есть для того, чтобы этот факт внес уместные изменения в ее установки к нему, – «должно быть что-то в прошлом, что он свободно сделал (или не стал делать), что привело к тому, что он стал человеком, который в вопросах любви не замечает того, что он в действительности должен замечать» [Fischer, Tognazzini 2012: 231–232]. Мне кажется, в этом нет необходимости. А именно, поскольку реакции, для которых моральная ответственность является условием, суть просто реакции на установки агента в отношении других людей, то кажется, единственное, что имеет значение для вопроса о наличии ответственности – сами эти установки, отраженные в «фактической последовательности», ведущей к действию Уайброу. Если требуется нечто сверх того, то для этого требования необходимо предоставить какие-то дополнительные обоснования.

Это заключение подтверждается тем фактом, что никаких дополнительных условий не требуется для того, чтобы сделать уместной *положительную* реакцию на установки агента. Предположим, все было бы наоборот, и привязанность капитана Уайброу к мисс Эшер сделала бы его очень внимательным к ее предпочтениям. Должна ли она считать это основанием для того, чтобы относиться к капитану Уайброу как к поклоннику более благосклонно, только в том случае, если эта его внимательность стала результатом какого-то его действия в прошлом, которое он совершил свободно и которое привело к тому, что он стал более внимателен

¹⁵ Fischer, Tognazzini 2012: 231–232. Сам пример, который обсуждается в [Smith 2005: 242ff.], взят из [Eliot 1973: 120–121].

к тем, за кем он ухаживает? Мне кажется, что нет. Более того, со стороны мисс Эшер, кажется, было бы разумным надеяться, что его внимательность к ней возникла спонтанно, не нуждаясь с его стороны в культивировании посредством какого-либо свободного и сознательного усилия.

Но даже если сказанное верно относительно положительных реактивных установок, то все еще можно было бы утверждать, что в случае «отрицательных» реакций дело обстоит иначе. Это означало бы, что описанная Фишером форма контроля является не частью того, что я назвал выше нейтральным условием ответственности, но особым условием, применимым только к тем реакциям, которые подразумевают определенные виды ущерба для того человека, на которого они направлены. В таком случае этот тезис заключался бы в том, что отрицательные моральные реакции, связанные с подобным ущербом, могут быть оправданы только в том случае, если агенты, которые им подвергаются, совершили свободный выбор быть такими людьми, что это делает подобные реакции на них уместными. Верно ли это – моральный вопрос первого порядка. Я готов рассмотреть аргументы в пользу данного тезиса, обоснованность которого будет варьироваться в зависимости от конкретных рассматриваемых реакций. Но подобный тезис кажется не очень правдоподобным в отношении диапазона тех реакций, которые я перечислил выше. Просить мисс Эшер, чтобы она была благосклонна к равнодушному и невнимательному к ней поклоннику, при условии, что его равнодушие и невнимательность не являются следствием его свободного выбора, – значит требовать от нее слишком многого. Возможно, правдоподобность последнего тезиса отчасти объясняется тем, что он касается случая особенно близких личных взаимоотношений между людьми. Но то же самое, как мне кажется, верно и в случаях менее личных взаимоотношений. Как я уже говорил выше, требуется ли в этих случаях для наличия моральной ответственности условие отслеживания, может зависеть от того, о каких именно конкретных моральных реакциях идет речь. Но ни одна из тех реакций осуждения, которые я описал выше, подобного требования не предполагает. Мы не обязаны доверять тем, кто ненадежен, или радоваться успехам людей, которые жестоки к другим, даже если их недостатки не являются следствием их собственного свободного выбора.

Нечто вроде условия отслеживания действительно кажется релевантным в некоторых случаях, но это связано с особенностями

самих этих случаев. Предположим, например, что кто-то, находящийся в состоянии опьянения или под действием наркотиков, причиняет вред другому человеку, и что это действие не отражает общего недостатка у него заботы о других людях, когда он не подвергается такому химическому воздействию. Даже если это так, мы можем сказать, что, тем не менее, он несет ответственность за то, что напился, потому что он должен был знать, что, напившись, он может начать вести себя подобным опасным для других образом. Если эти предположения верны, то мы можем сказать, что он несет ответственность (то есть что его уместно осуждать) за причинение этого вреда, исключительно потому что этот вред явился результатом его прошлого выбора – решения напиться [см.: Fischer, Tognazzini 2012: 207].

В данном случае мы рассматриваем прошлый выбор агента как условие ответственности, поскольку предполагается, что беспечность, проявленная в рассматриваемом действии агента вследствие опьянения, не отражает его настоящих установок. Этот прошлый выбор агента становится альтернативным условием для осуждения (и это будет осуждение за недостаток, касающийся другой его установки). Но невнимательность капитана Уайброу не вызвана пьянством или каким-либо другим препятствующим фактором – она отражает то, каков он на самом деле. Возможно, помимо уместности в его отношении реактивных установок за его равнодушие и невнимательность, его *также* можно критиковать за то, что он не позаботился о том, чтобы избежать приобретения этих недостатков. Но, как я уже говорил выше, это отдельный вопрос.

Одна из распространенных стратегий в дискуссиях об ответственности выглядит следующим образом. Для начала приводятся различные примеры, которые, как кажется, подтверждают, что определенные факторы влияют на уместность моральной реакции за действие или установку. К таким примерам могут относиться случаи, когда на моральную оценку результата чьих-то действий оказывает влияние моральная удача, а также случаи, связанные с детьми, психически больными людьми или индивидами, у которых было тяжелое детство. Затем делается попытка объяснить те различия в реакциях, которые кажутся в этих случаях уместными, либо исходя из того, насколько плохими или хорошими являются рассматриваемые действие или установка, либо, если это не удается, исходя из различий в той степени, в которой агенты ответственны за эти установки или действия. Это возлагает на идею ответ-

ственности серьезную нагрузку, особенно если ответственность понимается главным образом исходя из той степени контроля, который агент имеет над факторами, которые делают эти реакции уместными. И если, как это бывает в случаях моральной удачи, кажется, что ни один из данных двух способов не дает удовлетворительного объяснения разнице в тех реакциях, которые кажутся нам уместными, то это рассматривается как проблема.

Я полагаю, что эти предполагаемые проблемы проистекают из попыток объяснить моральные феномены, используя слишком малое число переменных. Если мы обратим внимание на то, что осуждение (равно как и другие реактивные установки) по своей природе представляет собой изменение взаимоотношений между людьми, то это откроет для нас более широкий спектр факторов, которые могут объяснить вариативность этих реакций. Осуждение, например, является реакцией одного человека на действие или установку другого на том основании (ground), что эта установка другого человека является неадекватной стандартам некоторых взаимоотношений, существующих между этими двумя людьми. Различия в реакциях, которые уместны в случае конкретного человека, могут, таким образом, возникать не только из-за различий в том, что некая установка говорит об агенте, но и из-за таких вещей, как:

а) различия во взаимоотношениях между агентом и человеком, который реагирует;

б) факторы, которые влияют на право (standing) человека отреагировать определенным образом;

в) факторы, актуализирующие другие обязанности или склонности агента реагировать определенным образом, могущие препятствовать моральным реакциям, которые в противном случае были бы уместными;

г) различия в той значимости, которую проступок агента имеет для других людей, в частности в той значимости, которую этот проступок имеет для реагирующего на него человека.

Приняв во внимание эти факторы, мы можем объяснить различия в том, что кажется нам уместными моральными реакциями, без апелляции к различиям в ответственности.

Рассмотрим для начала случай с детьми. Поскольку маленькие дети имеют весьма ограниченное понимание последствий и значимости своих действий, то их установки, отражаемые этими действиями, могут быть не столь ущербными, как те установки, которые были бы отражены аналогичными действиями взрослых. Кро-

ме того, в случае детей важным является тот факт, что наши взаимоотношения с ними не являются взаимоотношениями морального равенства, как взаимоотношения между не знакомыми друг с другом взрослыми, друзьями или коллегами. Наши взаимоотношения с детьми – это скорее взаимоотношения воспитания и попечения, предполагающие заботу о развитии их моральных способностей. Поэтому наши реакции на проступки детей ограничены нашей обязанностью заботиться (care) о них, которая является частью наших взаимоотношений с ними. Если ребенок предал наше доверие, то мы не можем на этом основании разорвать отношения с ним, как мы имели бы право сделать это с обманувшим наше доверие взрослым. Наши надлежащие (proper) реакции на плохое поведение детей диктуются целью содействия их нравственному совершенствованию. Поэтому если ребенок ведет себя невнимательно к другим или оскорбительно, то негодование или возмущение, которые были бы уместны в случае взрослого, не являются уместными реакциями на такое его поведение. Наши реактивные установки в подобном случае должны быть прежде всего направлены на то, чтобы помочь ребенку научиться поступать лучше – в отношении же взрослого человека подобная установка, пожалуй, была бы с нашей стороны проявлением высокомерия. Таким образом, наши взаимоотношения с детьми содержат в себе элементы того, что Стросон называл «объективной установкой», хотя в данном случае она оказывается вполне уместной¹⁶.

Психическое заболевание агента может изменить уместные в его отношении реакции отчасти похожим, но в то же время существенно отличным образом. Некоторые формы психических заболеваний могут изменять осуждение уже описанным выше способом, то есть изменяя степень, в которой действия человека в данном случае отражают то, каким человеком он является в целом. Но мне кажется, что в случае некоторых других форм психических заболеваний, таких как психопатия, дело обстоит иначе. Человек, который не видит оснований для того, чтобы не обращаться с другими людьми дурно, когда ему это выгодно, на мой взгляд, достоин осуждения, даже если это его отношение к другим людям представляет собой форму психического заболевания. Тем не менее, если это болезнь, то имеющиеся у нас основания для того, чтобы

¹⁶ Более подробное обсуждение важности наших взаимоотношений с детьми см.: [Scanlon 2008: ch. 4; 2013a].

обращаться с психопатом иначе, чем с другими людьми, осуждая его в описанном мной смысле этого слова, могут быть уравновешены основаниями для того, чтобы отнестись к нему с заботой (care), с которой мы должны относиться к больным людям. Последние основания не подрывают первые, как это может быть в случае с маленькими детьми, – скорее основания для того, чтобы относиться с заботой к этому человеку, конкурируют с основаниями для того, чтобы осудить его, при попытке определить, что, именно учитывая все обстоятельства, у нас есть основания сделать так, что в итоге такие основания могут потребовать от нас проявлять заботу о человеке, которого мы в то же время совершенно оправданно презираем (properly resent) и в противном случае имели бы все основания просто избегать.

С людьми, чье дурное поведение является следствием их тяжелого детства, связан целый ряд иных вопросов. Если нормативные установки, которые заставляют человека вести себя вредным для него самого и для других образом, являются результатом неблагоприятных условий, в которых он вырос, то это может быть основанием (grounds) для сочувствия, не отменяя того факта, что действия этого человека заслуживают осуждения. Если данные условия были не только неблагоприятными, но и несправедливыми, то это может означать, что данный человек может иметь право (valid claim) на помощь в преодолении последствий этой несправедливости – например, на помощь в поиске работы и в преодолении своей склонности к безответственному поведению, при том что такое его поведение, тем не менее, заслуживает осуждения. Кроме того, если какое-то конкретное лицо – например, политик или чиновник – сыграло определенную роль в возникновении или сохранении этих несправедливых условий, то это подрывает право (standing) данного лица осуждать тех людей, которые поступают дурно, делая плохой выбор в результате этих условий, не отменяя того факта, что их поведение является чем-то, за что другие люди могут их оправданно (properly) осуждать¹⁷.

Наконец, хотя осуждение является реакцией на неадекватные нормативные установки в отношении других, которые отражает действие агента, серьезность вреда, причиненного этими дурными

¹⁷ Более подробное обсуждение права (standing) на осуждение см.: [Scanlon 2008: 166–179].

установками, также может иметь значение для определения того типа реакции, которую эти установки делают уместной. Есть разница между неосторожным водителем, чья небрежность никому не причинила вреда, и человеком, чье неосторожное вождение привело к гибели ребенка, равно как есть разница между человеком, который, имея обязанность следить за поднимающимися паводковыми водами, был просто менее внимателен, чем он должен был быть, и человеком, чья невнимательность привела к тому, что город был уничтожен наводнением. Разница не в том, что ошибки этих вторых людей хуже в моральном смысле, а скорее в том, что у тех, кого они затрагивают, есть больше оснований серьезно относиться к этим ошибкам, корректируя свои будущие установки в отношении этих людей. Я полагаю, что это объясняет интуитивно ощущаемую нами разницу между «удачливым» и «неудачливым» агентами в случаях моральной удачи. Это разница не в степени предосудительности (blameworthiness) их действий, но скорее в значимости этой предосудительности для тех, кто пострадал от нее [см.: Scanlon 2008: 126–128, 228n3].

Содержательная ответственность

Теперь я перехожу от вопроса об ответственности моральной реакции к вопросу о том, что я называю содержательной ответственностью. Утверждение о содержательной ответственности – это утверждение, что то, что человек сделал или не сделал, вносит изменения в то, что он должен другим людям или что другие люди должны ему. Изменение такого рода происходит, например, когда кто-то дает обещание, заключает договор или разрешает кому-то что-то сделать. Оно также происходит, когда кто-то предпринимает действия, насчет которых он был предупрежден, что они приведут к некоторому ущербу или потере некоторой возможности. Например, если меня предупредили, что билеты в театр, купленные в Интернете, нужно забрать в кассе за полчаса до начала спектакля, то если я их не заберу, я не могу жаловаться на потерю этих билетов, за которую сам же и ответственен.

Условия содержательной ответственности – это условия, необходимые для того, чтобы действие или бездействие человека имело моральные последствия вышеописанного рода. Чтобы понять, каковы эти условия, мы должны сперва понять, почему выбор, сделанный человеком, или его возможность выбирать вообще могут иметь моральное значение такого рода. Объяснение этому кроется

в том, что я называю ценностью выбора (value of choice): под ней я подразумеваю основания, которые есть у людей для того, чтобы хотеть, чтобы то, что происходит с ними, а также их обязанности в отношении других людей и обязанности других людей в их отношении зависели от того, как они реагируют на ситуацию в релевантного рода условиях [Scanlon 1998: 251–267].

Так, например, у нас есть основания хотеть, чтобы еда, которую нам подают в ресторане, зависела от того, как мы реагируем (respond), когда видим меню, при условии, что, реагируя (reacting) на меню, мы будем отзывчивы к (responsive) релевантного рода основаниям – например, к факторам, которые определяют, какая еда нам понравится и какая будет полезна. Точно так же у нас есть основания хотеть, чтобы обязанности, которые мы создаем для себя, давая обещания, зависели от того, как мы ведем себя, когда мы отзывчивы (responsive) к факторам, определяющим, есть ли у нас хорошие основания для того, чтобы взять на себя эти обязанности. Это означает, что у нас было бы хорошее основание возражать против принципов, в соответствии с которыми наши обязанности не были бы подобным образом чувствительны к нашим реакциям. То же самое относится и к принципам, регулирующим передачу собственности по соглашению. У нас есть основания хотеть, чтобы такие принципы определяли передачу собственности как действительную только в том случае, если она была осуществлена в условиях, в которых мы (с высокой вероятностью) будем отзывчивы к основаниям, которые у нас есть для того, чтобы передавать кому-либо собственность. У нас также есть основание в случае, если неподалеку от нас появились опасные для нашей жизни и здоровья места, хотеть быть предупрежденными об их наличии и расположении, потому что, будучи предупрежденными, мы увеличиваем шансы избежать их. Из этого следует, что у нас есть основания желать существования принципов, гласящих, что в случае, когда допустимо создавать подобные опасные места, требуется предупредить людей об их наличии.

То, что я до сих пор описывал, – это наши инструментальные основания хотеть, чтобы исходы ситуаций, в которых мы оказались, зависели от нашего выбора, так как это делает более вероятным, что эти исходы будут такими, которые у нас есть основания хотеть. В дополнение к этим основаниям у нас также есть то, что я называю репрезентирующими основаниями хотеть, чтобы исходы ситуаций зависели от нашего выбора, потому что это влияет на то,

какое значение эти исходы имеют для нас и для других людей. Например, у нас есть основание хотеть самостоятельно выбрать подарок для своего супруга или супруги, потому что если мы выберем его сами, то у этого подарка будет иное значение, чем если бы его выбрал за нас наш ассистент или некий профессионал по подбору подарков.

Ценность выбора может сильно различаться от случая к случаю. Инструментальная ценность обладания выбором зависит от того, являются ли условия, в которых мы выбираем, такими условиями, в которых мы с высокой вероятностью будем отзывчивы к релевантным основаниям. Например, если меню в ресторане написано на языке, которого я не понимаю, или если я слишком пьян, чтобы понять, что в нем написано, то тот факт, что я закажу еду по меню самостоятельно, не сделает более вероятным, что я получу удовольствие от блюда, которое мне принесут. Если бы за меня сделал выбор кто-то другой, то я бы от этого только выиграл. Репрезентирующая ценность наличия выбора также может сильно различаться от случая к случаю. Она может быть даже отрицательной, как в случае выбора Софи в одноименных романе и фильме. Если один из детей Софи должен умереть, у нее есть хорошие основания не желать быть тем человеком, которому придется выбрать, какого именно из ее детей постигнет эта судьба.

Когда мы пытаемся обеспечить человеку хорошие условия для того, чтобы совершить выбор, снабжая его информацией, предупреждениями, напоминаниями и так далее, это может иметь издержки для других людей. Если мы ограничим обязанности, которые человек действительно несет, только теми обязанностями, которые он взял на себя в очень хороших условиях, это также будет иметь существенные издержки. Например, владельцы театров сильно теряли бы в прибыли, если бы они должны были удерживать забронированные, но не востребованные в кассе покупателями в срок билеты вплоть до начала спектакля, а рестораны – если бы от них требовалось позволять людям бесплатно отменять уже приготовленный для них заказ, если окажется, что они изначально ошиблись с оптимальным выбором заказанного, не заметив, что ниже в меню также было и их любимое блюдо.

Из этого следует, что хотя ценность выбора объясняет, почему его наличие у человека является важным фактором, участвующим в определении того, является ли агент содержательно ответственным за исход ситуации, это не единственное, что имеет значение

при ответе на данный вопрос. Заключение о наличии у агента содержательной ответственности зависят и от других вещей, таких как указанные издержки для других людей. Таким образом, в отличие от условий ответственности моральной реакции, условия, при которых человек несет содержательную ответственность за что-либо, касаются не только того, каков этот человек или что он сделал, но и фактов, связанных с интересами и обязанностями других людей, которые определяют, достаточно ли эти люди сделали для этого человека.

Мы можем видеть данные факторы в действии в случае банковского служащего. Когда служащий решает (chooses) отдать деньги грабителю или когда кто-то обещает заплатить подкараулившему его в подворотне бандиту, эти люди реагируют на те основания, которые у них действительно есть в этих случаях, например, на основания, связанные с тем, чтобы избежать насилия со стороны преступника. Так что в некотором смысле они выбирают в хороших условиях – в условиях, при которых они с высокой вероятностью совершат выбор, который послужит их интересам. Однако в более широком смысле, конечно, это не те условия, в которых они хотели бы совершать подобный выбор. Они действуют так, как действуют, только потому что у них нет приемлемых альтернатив. Но отсутствие альтернатив само по себе не делает обещание или, например, передачу кому-то денег недействительными. Передача денег врачу на оплату важнейшей операции не будет чем-то недействительным, равно как и обещание другу вернуть деньги, взятые у него в займы для выплаты выкупа вымогателю, несмотря на то что агенты в обоих этих случаях «не имеют приемлемой альтернативы». Так что дополнительным важным фактором в случае с грабителем банка и бандитом является тот факт, что они сами несправедливо (wrongfully) изменили основания для действий своих жертв, исключив возможность остаться в живых, не отдав им денег или не пообещав это сделать. Поэтому они не могут возражать против принципа, согласно которому в такой ситуации передача им средств или данное им обещание являются недействительными. Упомянутый выше врач, напротив, мог бы возражать против такого принципа (при условии, что требуемая им за операцию плата не является запретной).

Все это показывает, что содержательная ответственность в одном важном отношении является остаточным в моральном смысле понятием. То, что агент сделал или не сделал, может изменить его

моральные отношения с другими людьми интересующим нас образом, только если его действие или бездействие было реакцией, имевшей место в условиях правильного рода. Какими именно должны быть эти условия, зависит, среди прочего, от того, в какой степени были выполнены обязанности в его отношении со стороны других.

Для того чтобы человек мог нести за что-то содержательную ответственность, вовсе не обязательно, чтобы это что-то было результатом сознательного выбора с его стороны. Для содержательной ответственности может быть достаточно того, что у человека *был* выбор, и не обязательно, чтобы он *сделал* выбор. Если, когда я заказывал билеты в театр через Интернет, меня уведомили, что мне нужно забрать их в кассе не позже, чем за полчаса до начала спектакля, то я не смогу претендовать на билеты, если не заберу их к этому времени, даже если это произойдет просто по рассеянности и не будет являться отражением моего убеждения, что потеря билетов менее значима по сравнению с тем, чем я был занят в то время, когда должен был их забрать.

Этот факт обнаруживает важное различие между содержательной ответственностью и ответственностью моральной реакции. Обе они вполне оправданно (*properly*) называются формами ответственности, потому что обе они приписывают (*assign*) моральную значимость тому, каков человек или что он сделал. И обе они делают это, исходя из важности имеющихся у агента оснований для действий. Но они по-разному рассматривают важность этих оснований. В случаях ответственности моральной реакции основания агента для его действий важны, потому что у других людей есть основания придавать значение (*be concerned*) установкам этого агента в их отношении и есть основания обращаться с агентом таким образом, чтобы это было уместной реакцией на его установки. В случаях же содержательной ответственности значимость оснований агента для его действий заключается в тех основаниях, которые есть у самого этого агента для того, чтобы хотеть, чтобы то, что происходит с ним, включая его обязанности в отношении других людей и обязанности других людей в его отношении, зависело от того, как он реагирует на ситуацию, когда ему предоставлены релевантного рода соображения, которые могут служить для него основаниями (*reason-giving considerations*).

Вот почему тот факт, что у агента «был выбор» – что случившееся могло бы быть иным, если бы агент отреагировал по-дру-

гому – может быть достаточным для содержательной ответственности, тогда как для ответственности моральной реакции имеют значение нормативные установки, отраженные в том, что агент сделал или не сделал в «фактической последовательности».

Различие между ответственностью моральной реакции и содержательной ответственностью часто упускается из виду в политических спорах, что приводит к печальным последствиям. В правом политическом дискурсе общим местом является представление о том, что есть два способа рассматривать социальные бедствия вроде наркомании или роста числа подростковых беременностей, приводящих к рождению детей, о которых их родители не в состоянии позаботиться. С одной стороны, их можно рассматривать как социальные проблемы, с которыми нужно бороться, устраняя их социальные причины. С другой – мы можем рассматривать их как результат индивидуального дурного поведения конкретных лиц. Консерваторы говорят, что, занимая первую точку зрения, мы «отрицаем индивидуальную ответственность». Левые, в свою очередь, напротив, считают, что неуместно критиковать, например, бедных молодых людей за то, что они родили детей, о которых не в состоянии позаботиться. Такая критика, как они говорят, представляет собой «осуждение жертвы» (*blaming the victim*), и она подспудно снимает с нас обязанность улучшать те условия, в которых осуждаемые люди делают подобный выбор, или помочь им справиться с последствиями этого выбора.

Оба эти рассуждения ошибочны, и на одних и тех же основаниях. Они оба упускают из виду различие между ответственностью моральной реакции и содержательной ответственностью и предполагают, что эти две формы ответственности неразрывно связаны друг с другом. Это заставляет их считать, что человека можно критиковать с моральной точки зрения за ту или иную форму пагубного поведения тогда и только тогда, когда он ответственен за эти пагубные последствия — то есть только тогда, когда на других людях не лежит обязанность предотвращать или смягчать эти последствия.

Рассуждение правых отталкивается от идеи ответственности моральной реакции и пытается использовать эту идею для того, чтобы ограничить сферу обязанностей государства и других агентов. Представление о том, что сфера этих обязанностей более обширна, говорят они, несовместимо с индивидуальной ответственностью. Если бы под индивидуальной ответственностью в данном

случае имелась в виду *содержательная* ответственность, то это утверждение было бы тавтологией. Оно просто сводилось бы к тезису, что идея о том, что сфера обязанностей правительств более обширна, несовместима с идеей о том, что только отдельные люди несут содержательную ответственность за то, как протекает их жизнь. Если понимать его таким образом, то рассуждение правых исходит из того, что оно должно доказать. У этого рассуждения появляется некоторый аргументативный вес, только если оно на самом деле апеллирует к правдоподобному представлению о том, что люди ответственны в смысле моральной реакции – то есть могут быть с основанием подвергнуты критике – за то, что они недостаточно усердно работают или не могут о себе позаботиться по какой-то другой причине. Однако если понимать это рассуждение подобным образом, то оно представляет собой *non sequitur*: может быть верным одновременно и то, что людей можно с основанием подвергать подобной критике, и то, что в сферу обязанностей государства входит в том числе обязанность предотвращать возникновение условий, в которых люди будут вести себя подобным образом. Отрицание того, что это так, является *морализаторством*: оно апеллирует к идее индивидуальной моральной вины в контексте, для которого эта идея не является релевантной.

В целом не существует идеи *индивидуальной* содержательной ответственности, которая могла бы послужить отправной точкой в рассуждении о справедливости институтов. Тем, за что индивиды несут (содержательную) ответственность – то есть тем, на что они не могут жаловаться, – являются результаты выбора, который они делают в правильного рода условиях, то есть в условиях справедливых институтов, в рамках которых уже были предварительно выполнены обязанности государства и различных индивидов в отношении самих этих людей. Таким образом, в рассуждении о справедливости утверждения о содержательной ответственности играют роль заключений, а не посылок. Та связанная с представлением об индивидуальной содержательной ответственности идея, которая может служить посылкой в рассуждении о том, какими должны быть справедливые институты, – это не идея ответственности, а скорее идея ценности выбора: те инструментальные и неинструментальные основания, которые есть у людей для того, чтобы хотеть, чтобы то, что с ними происходит, зависело от того, как они реагируют, когда сталкиваются с альтернативами *в надлежащих условиях*.

Это более общее соображение о содержательной ответственности оказывается важным для одного из аргументов, выдвинутых Робертом Нозиком. (Это соображение является более общим, поскольку оно касается не только различия между содержательной ответственностью и ответственностью моральной реакции.) Обсуждая тезис Ролза о том, что если люди совершают выбор, будучи поставлены в несправедливые условия, то последствия такого выбора не будут иметь морального веса (do not render their outcomes legitimate), Нозик пишет:

Такое принижение автономности человека и его ответственности за свои действия – это рискованный ход для теории, которая в других отношениях желает укрепить достоинство и самоуважение независимых индивидов... Есть сомнения в том, что приземленное представление о человеческих существах, из которого исходит теория Ролза и на которое она опирается, можно совместить с идеей достоинства человека, которое, по замыслу, она должна отстаивать и воплощать [Нозик 2008: 268].

Нозик говорит о том, что чтобы уважать достоинство и ценность индивидуального выбора, мы должны считать, что, когда люди совершают выбор, то решения, которые они принимают, делают последствия их выбора морально весомыми (legitimate) вне зависимости от условий, в которых эти решения принимаются (если только эти условия не подразумевают принуждения или обмана). Он применяет этот принцип, например, к таким предметам выбора, как то, стоит ли усердно трудиться над развитием своих талантов и в какие трудовые соглашения вступать. Ролз же, со своей стороны, считает, что, чтобы уважать достоинство и ценность индивидуального выбора, мы должны признать важность обеспечения фоновых условий, при которых такой выбор имеет ценность, а его результаты, следовательно, имеют моральную значимость. Ценность выбора зависит не только от диапазона альтернатив, из которых агент может выбрать, но также от его образования и других условий, необходимых для развития способности делать правильный выбор. Уважение к автономным существам и, следовательно, справедливость требуют именно этого.

Литература

Логинов Е. В. «Свобода и обида» сэра Питера Стросона. Предисловие переводчика // Финиковый компот. 2020. № 15. С. 199–203.

Логинов Е. В., Гаврилов М. В., Мерцалов А. В., Юнусов А. Т. Прологомены к моральной ответственности // Финиковый компот. 2020. № 15. С. 3–100.

Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М. : ИРИСЭН, 2008.

Прокофьев А. В. Моральный реализм как концепция обоснования морали // *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. 2021. Т. 46. № 2. С. 203–213.

Скэнлон Т. М., Юнусов А. Т., Гаврилов М. В., Логинов Е. В. Основания наших поступков никогда не зависят от наших желаний // Финиковый компот. 2020. № 15. С. 241–255.

Стросон П. Свобода и обида // Финиковый компот. 2020. № 15. С. 204–221.

Франкфурт Г. Альтернативные возможности и моральная ответственность // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 1. № 4. С. 129–140.

Юм Д. Трактат о человеческой природе / Д. Юм // Соч.: в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1996.

Юнусов А. Т. Т. М. Скэнлон, осуждение и универсальное братство // Финиковый компот. 2020. № 15. С. 109–122.

Ashford E., Mulgan T. Contractualism // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / ed. by E. N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/contractualism> (accessed: 20.04.2018).

Boxer K. E. *Rethinking Responsibility*. Oxford: Oxford University Press, 2013.

Eliot G. *Scenes of Clerical Life*. London : Penguin, 1973.

Feinberg J. *Justice and Personal Desert / Doing and Deserving*. Princeton : Princeton University Press, 1970.

Fischer J. M. Judgment-Sensitivity and the Value of Freedom / J. M. Fischer // *Deep Control*. Oxford : Oxford University Press, 2012. Pp. 144–162.

Fischer J. M., Tognazzini N. A. The Triumph of Tracing / J. M. Fischer // *Deep Control*. Oxford : Oxford University Press, 2012. Pp. 206–233.

Frankfurt H. Freedom of the Will and the Concept of a Person // *Free Will* / ed. by G. Watson. New York : Oxford University Press, 2003. Pp. 322–336.

Parfit D. *On What Matters*. New York : Oxford University Press, 2011.

Parfit D. Improving Scanlon's Contractualism // Reason, Justification, and Contractualism: Themes from Scanlon / ed. by M. Frauchiger, M. Stepanians. Berlin : Walter de Gruyter GmbH, 2021. Pp. 109–118.

Scanlon T. M. What We Owe to Each Other. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1998.

Scanlon T. M. Moral Dimensions: Permissibility, Meaning, Blame. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2008.

Scanlon T. M. Interpreting Blame // Blame: Its Nature and Norms / ed. by J. Coates, N. Tognazzini. Oxford : Oxford University Press, 2013a. Pp. 84–99.

Scanlon T. M. Giving Desert Its Due // Philosophical Explorations. 2013b. No. 16. Pp. 1–16.

Scanlon T. M. Forms and Conditions of Responsibility // The Nature of Moral Responsibility: New Essays / ed. by R. Clarke, M. McKenna, A. M. Smith. Oxford : Oxford University Press, 2015. P. 89–111.

Scanlon T. M. Contractualism and Justification // Reason, Justification, and Contractualism: Themes from Scanlon / ed. by M. Frauchiger, M. Stepanians. Berlin : Walter de Gruyter GmbH, 2021. Pp. 17–44.

Smith A. Responsibility for Attitudes: Activity and Passivity in Mental Life // Ethics. 2005. Vol. 115. Pp. 236–271.

Wallace R. J. Responsibility and the Moral Sentiments. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1994.